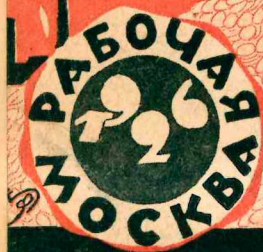

№

21

ЯК.ОКУНЕВ

ПЕШЛЯ

БИБЛИОТЕЧКА
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

W 366
468

№ 21

БИБЛИОТЕЧКА
РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№ 21

ЯК. ОКУНЕВ

П Е Т Л Я

Фантастический рассказ

„РАБОЧАЯ МОСКВА“

1926

Москублит № 22226. — Тираж 10.000.

Отпечатано в типо-хромолитографии

„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“

МОСПОЛИГРАФ.

МОСКВА,

Арбат,

Филипповск.,

11.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Финансовое положение Америки характеризуется огромнейшим накоплением золотых сокровищ. До войны Америка обладала запасами золота в 1.900 миллионов руб.; в 1925 г. она имела уже 50% всего мирового запаса золота, а в начале 1926 г. — около 60%. Рост золотых запасов С.-А. Штатов происходит за счет добычи золота, достигшей 27% мировой продукции, и благодаря притоку золота в результате активного торгового и платежного балансов. Орудием золотого резерва Америка подчиняет себе Европу. Опустившиеся и обносившиеся европейские страны „стоят в очереди у окошка дяди Сама“, надевая на себя по очереди американскую петлю. С помощью своих золотых запасов Америка развивает небывадое расширение производства. В мировой истории еще никогда не принадлежало столько власти небольшой кучке лиц, как теперь — заправилам американских банков.

„Мы занимаем деньги, — пишет один из американских финансовых тузов, — голландским колониям в Австралии, аргентинскому правительству и городам, южно-африканской горной промышленности, чилийским производителям селитры, бразильским кофейным плантаторам, колумбийским табаководам и хлопководам. Даем деньги на санитарные проекты в Перу, датским банкам, шведским промышленникам, норвежским гидро-электрическим станциям, финским банковским учреждениям, чехо-словацким машиностроительным заводам, юго-славским железным дорогам, итальянским общественным работам, испанским телефонным компаниям и пр., и пр.“.

Америка имеет 7 миллиардов накопления в год.

Куда их девать?

Внутренний рынок насыщен золотом. Страна больше не принимает, банки стараются уменьшить свои запасы золота. Но золотой приток против воли банков продолжается.

Что же делать?

Ввозить товары? Но ввоз товаров повлечет за собой сокращение собственного производства. Сократить же вывоз своих товаров в другие страны, чтобы ограничить потоки золота, получится тот же результат. Таково противоречие американского капитализма. Либо ввозить товары из Европы, но эти товары подорвут собственную промышленность, либо вывозить свои товары, но это означает ввоз золота, которого и так избыток. Единственным предохранительным мероприятием от избытка золота являются займы другим странам, вклады в иностранную промышленность. Но, ведь, проценты от займов возвращаются в Америку опять в золоте. Таков заколдованный круг. Америке грозит опасность задохнуться в золотой петле. Несомненно, что в арсенале американского капитала имеются еще достаточно сильно действующие средства, чтобы отразить надвигающуюся опасность. Банки, чтобы воспрепятствовать золотому потоку, усиленно вывозят запасы золота за границу в форме иностранных займов. Они лихорадочно работают в этом направлении, требуя у правительства поддержки для обеспечения условий, при которых американские капиталисты могли бы вкладывать свои капиталы.

„Если мы, действительно, хотим, — говорят американские банкиры, — развить нашу иностранную торговлю, наши люди не должны сидеть на месте, они должны принять участие в развитии иностранной промышленности, они должны своей деятельностью создать деловой оборот, они должны получить возможность помещать свои деньги в чужих странах и близко стоять к управлению промышленными предприятиями, в которых они принимают участие“.

Но все же запасы золота не подверглись значительному уменьшению. Уже три раза в течение марта сотрясаясь нью-йоркская биржа, напоминая о приближении большой грозы. В эти дни биржа напоминала собой дом для умалишенных. Все виды ценных бумаг одинаково резко падали. Тут не было исключений ни для промышленных акций, ни для облигаций государственных займов.

Биржа тесно связана со всей хозяйственной жизнью Америки. Потрясения на бирже отразились на всем хозяйственном организме страны. Последствием обилия золота явилось увеличение спекуляции земельными участками и лихорадочное развитие строительной деятельности.

Все чаще приходится слышать в Америке, что настроено слишком много домов и сооружений, выпущено слишком много автомобилей и т. п. Желудок рынка не в состоянии переварить избыток предоставленной ему пищи. В результате — автомобильная промышленность начинает показывать падение цифр производства, железнодорожные погрузки падают, земельная горячка остывает. Это положение указывает на накопление товарных запасов на ряду с золотыми.

Надвигается новый кризис в американской промышленности. Американские капиталисты сумеют, конечно, временно преодолеть и этот кризис. Однако, историю обмануть невозможно. Умереть можно не только от худосочия, но и от ожирения.

Золотая петля затягивается все туже.

А. З.

П Е Т Л Я.

Фантастический рассказ *).

I.

14 сентября центральная телефонная станция Нью-Йорка весь день непрерывно и тщетно вызывала один и тот же номер:

— Загородный провод 62-71-23.

Этого номера добивались различные абоненты, начиная с редакций всех нью-йоркских газет и кончая денежным королем, главою финансового концерна мистером Реджинальдом Гаррисоном.

В 4 часа дня позвонила междугородняя станция из Вашингтона и от имени президента потребовала соединения с номером 62-71-23. Телефонист ответил:

— Этот номер не отвечает.

— Передайте профессору Сидней Гревсу, что президент лично вызывает его к телефону для секрет-

*) Называя свой рассказ фантастическим, автор вовсе не намерен сказать этим, что он изображает в нем невероятные события. Даже искусственное золото, на возможности открытия которого построены выводы автора, является, если не вероятностью, то проблемой, занимающей умы многих современных буржуазных химиков. Во избежание недоразумений, автор должен сказать, что тема его повествования вовсе не нова, а заимствована им, так как она трактовалась уже в литературе неоднократно. *Автор.*

ного разговора важного государственного значения, — прокричал высокий голос личного секретаря президента С.-А. С. Ш.

Телефонист добился соединения с номером 62-71-23. Из загородной дачи профессора ответил женский голос:

— К сожалению, профессор не может подойти к телефону. Он просил передать президенту свои извинения.

Сколько ни добивался телефонист вторичного соединения, ничего не выходило. Номер 62-71-23 снял трубку с телефонного аппарата, не желая разговаривать даже с главой государства.

В этот день нью-йоркская фондовая биржа представляла собою сумасшедший дом. Без всякой причины, на основании только непроверенных, смутных и шатких слухов, скорее похожих на мистификацию, чем на реальность, все ценности прыгали сверху вниз и снизу вверх. К часу дня неожиданно поднялись до невероятного курса акции марганцевого и ртутного трестов, тогда как бумаги других предприятий стоили немногим дороже оберточной бумаги. Курс на золото снизился. Никогда золото не стоило так дешево, как 14 сентября, в час дня, по котировке нью-йоркской фондовой биржи.

В два часа дня лопнуло четыре крупнейших банка в Нью-Йорке и провинциальных штатах. Достопочтенный мистер Эптон Харрас, глава Восточно-промышленного банка, разоренный в течение нескольких часов до нитки, забрался в ванную и повесился на собственных голубых шелковых подтяжках. Перед дверьми его банка произошло столкновение между служащими и огромной толпой клиентов, требовавших выдачи своих вкладов. Отряд конных полисмен

нов с трудом разогнал бушевавшую толпу, разбившую все окна в банке мистера Эптона Харраса.

Однако утренние, дневные и вечерние газеты точно набрали воды в рот по поводу истинной причины этих событий. Одна вечерняя уличная газетка, попытавшаяся напечатать сенсацию, вызвавшую это волнение, была, вопреки конституции С.-А. С. Ш., конфискована полицией в типографии. Полицейские разбили дубинками стереотип в мельчайшие куски.

Это было не единственным нарушением основных законов С.-А. С. Ш. в этот день. В одиннадцать часов вечера загородная дача профессора Сидней Гревса была окружена полисменами. К воротам дачи подкатил закрытый автомобиль со спущенными занавесками. Человек ненормальной вышины, который, казалось, шагал на ходулях, вышел из автомобиля и направился к подъезду дачи. Такой рост был у единственного человека Соединенных Штатов, у мистера Пири, личного секретаря президента.

Мистер Пири был близорук. Несмотря на выпуклые чечевицы своих круглых очков, он принял даму, сидевшую в кресле и не поднявшуюся ему навстречу, за самого профессора Гревса. Он молча поклонился и подал ей пакет.

— Профессор работает в лаборатории и решительно запретил тревожить его, — сказала дама, возвращая пакет мистеру Пири.

У дамы был почти мужской голос, с твердым металлическим оттенком звука. Он звучал спокойно, но решительно и непреклонно. На ее чистом лбу, между густыми и черными бровями, врезалась глубокая морщинка гнева.

— Мистрисс Гревс, — ответил секретарь, разобравшись в своей ошибке, — я имею приказание вручить

этот пакет лично профессору и немедленно доставить его в Белый Дом, к президенту, хотя бы пришлось употребить силу.

Выдержка покинула мистрисс Гревс. Она вскочила с кресла.

— На основании какого закона вы действуете, мистер? — гневно вскрикнула она.

— В исключительных случаях законы не действуют, — возразил секретарь: — вы сами знаете, о чем идет речь. Мы обыщем весь дом и найдем профессора. Он должен быть доставлен к президенту.

В этот самый момент за спиной секретаря раздались чьи-то шаги. Секретарь обернулся. Перед ним стоял человек с женственным лицом, с волнистыми черными волосами, падавшими на плечи, с ясным взглядом синих глаз.

— Я — профессор Сидней Гревс, — произнес он мягким, тоже женственным голосом: — дайте-ка мне этот пакет.

На листке слоновой бумаги, сложенном вчетверо, президент извинялся перед профессором Сидней Гревсом за принудительный способ аудиенции с ним и просил, во имя блага и преуспеяния республики, подчиниться его требованию.

Профессор пожал плечами:

— Что ж, придется подчиниться.

Через несколько минут автомобиль сорвался с места и понесся по направлению к вокзалу, где секретаря и профессора Сидней Гревса ожидал экстренный поезд, состоявший из двух паровозов и одного салон-вагона.

* * *

— Господин президент?

— Профессор Сидней Гревс?

— Я протестую...

— Профессор, дело идет о благе государства.

— Господин президент, мне нет никакого дела до блага государства.

— Ка-ак!

Сухая фигура президента превратилась в вопросительный знак. Золотая лопаточка-бородка запрыгала в негодовании:

— Вы сознаете, профессор... благо государства! — тонкий палец президента винтообразно бурavia воздух над его лысой головой, охваченной пушистой подковой серебряной седины.

— Я никогда и ни перед кем не скрываю своих убеждений. Я принципиальный враг существующей политической и социальной системы. Я не уважаю, я ненавижу тот порядок, который вы возглавляете.

Президент в ужасе закрыл глаза и отпрянул от профессора:

— Вы большевик?

— Формально — нет, идейно — да, — коротко отсек профессор.

Президент стоял с закрытыми глазами, пораженный и подавленный заявлением профессора. Он мысленно видел: профессор сообщает свое изумительное открытие большевикам. СССР становится могущественнейшей державой в мире. Рушатся банки, соборы, тюрьмы, расползаются армии, гибнет флот, сокрушена религия, семья, советы возникают во всем мире. Президент чувствовал веревку на своей тонкой шее. Президент задыхался.

Золото! Золото! Самая мощная сила на земном шаре. Власть, армия, флот, закон стоят на золотом подножьи. Золото командует армиями, диктует законы, проповедует в церквях. Золото! Золото!

— Вы намерены сообщить свое открытие Коминтерну? Мы не допустим. Вы сидите на электрический стул прежде, чем...

На женственном лице профессора мелькнула странная улыбка.

— Я не боюсь вас, — тихо произнес профессор: — и не из страха, а из убеждения и уверенности, что ваша система лопнет от золотого полнокровия, я решил вам отдать монополию на мое открытие. Я не привык таить своих мыслей: я работал над этим открытием пятнадцать лет для того, чтобы, добившись успеха, сделать смертельную прививку вашему строю золотым ядом, господин президент.

— Ха-ха-ха! Гении бывают в практической жизни круглыми идиотами. Профессор Сидней Гревс — идиот. Прививайте, мистер, прививайте нам ваш яд. Ха-ха-ха!

Черные глаза президента брызгали смехом. Вся его сухая фигура колебалась от смеха. Но вдруг он спохватился. Разумеется, он продувная шельма, этот Сидней Гревс. Он произнес коммунистическую тираду для того, чтобы содрать за свое открытие жирный куш. Ну, что ж, это в порядке вещей, тем более, что... ха-ха-ха! Ведь золото за свои услуги он будет делать сам.

— Ваши условия? — спросил президент.

— Мне ничего не надо. Ни одного цента.

— Может быть, вам нужны какие-нибудь правительственные полномочия, власть?

— Ни-че-го! Мне больше всего нужны марганец и ртуть.

— Марганец? Ртуть?

— Да, непрерывная, бесперебойная доставка ртути и марганца. Тысячами, сотнями тысяч тонн.

Прочие химические продукты имеются под рукою, по марганец и ртуть, господин президент.

— О! — воскликнул в тон профессору президент: — Мы обеспечим вам ртуть и марганец. Но, может быть, вы любите, кроме ртути и марганца, почет, славу?

— Ни в коем случае, — с живостью воскликнул профессор: — совсем наоборот. Завтра же во всех газетах должно быть напечатано, что слухи о моем открытии — утка. В самой крупной и влиятельной газете должен быть помещен фельетон, высмеивающий меня, как чудака и сумасброда. И еще: десять известнейших ученых С.-А. С. Ш. должны подписать исследование, опровергающее на основании научных данных мое открытие. Десять авторитетнейших ученых!

Чуть уловимая презрительная ирония прозвучала в этих последних словах Сидней Гревса.

— Они сделают это, — уверенно сказал президент.

* * *

Второй разговор происходил на другое утро, 15 сентября, на даче профессора Сидней Гревса. Неуловимый Эдвар Хорн, коммунист, преследуемый как волк полицейскими ищейками, но неожиданно появившийся в разных концах федерации, везде волновавший, везде воспалявший рабочих, в 10 часов утра оказался в парке, окружавшем дачи профессора. Через мистрисс Гревс, делавшую свою обычную утреннюю прогулку, он передал профессору коротенькую записку, нацарапанную карандашом на листке из блок-нота.

„Дружище Сидней! Я жду тебя в парке, у беседки по важному делу. Э. Хорн“.

Они были приятелями по университету. Они пошли разными дорогами. Сидней Гревс заперся в ла-

боратории, тотчас же по окончании университета; Эдвара Хорна часто запирали в тюрьму. Крестообразный шрам через всю правую щеку, от уха до подбородка, был боевым знаком, выжженным на белом бритом лице Хорна при помощи раскаленного прута захватившими его однажды членами организации Ку-Клукс-Клан *).

* * *

— Ты должен сообщить нам свой секрет и работать на революцию, Сидней.

— Я буду работать на революцию, Эдвар, но иными способами, чем ты думаешь. Я сообщу свой секрет правительству.

— Ты отдаешь себе отчет?.. Ты дашь им неслыханную силу, Сидней. Это предательство.

Профессор покачал головой. Его синие глаза грустно смотрели на Хорна.

— Я знал, что ты это назовешь предательством. Пятнадцать лет я мучился над этим вопросом, что такое золото? Я продумал все до конца, мой друг, и пойду своим путем. Вы будете клеймить меня. Найдутся безумные головы, которые будут мечтать над планами овладения моим секретом насильственным путем. Но я до конца доведу свое дело.

— Ты никогда не сообщишь нам своего секрета?

— Я не сказал: никогда.

Дальнейшая часть разговора между друзьями велась шопотом. Никто не знает, о чем они беседовали. Известно только, что Хорн, пожимая на прощанье руку профессора, сказал:

*) Американские фашисты.

— Может быть, ты прав. Действуй, как знаешь, но помни: если мы снизу взорвем капиталистическую систему, ты погибнешь под ее обломками, проклинаемый рабочими.

— Это мы увидим,—загадочно ответил профессор.

II.

В продолжение нескольких месяцев на одном из островков Атлантического океана, близ американского материка шли лихорадочные работы. Пароходы, баржи и катера свозили туда кирпич, железо, цемент, лес. Сотни рабочих рыли фундаменты, возводили стены, крыли крыши, и когда на островке выросли фабричные корпуса, целый город труб, элеваторов, подъемных кранов,—туда начали возить чаны, колбы, реторты, потом какие-то сложные машины очень тонкой, хрупкой, нежной конструкции.

К середине декабря работы были окончены. Островок окружили высоким валом с колючей проволокой. В особых прикрытиях были расставлены артиллерийские батареи. Вокруг островка непрерывно крейсировали сторожевые военные суда, которые пропускали с островка и на островок только тех, кто имел особый пропуск, собственноручно подписанный президентом или вице-президентом С.-А. С. Ш.

В середине января на островке задымили трубы, застучали динамо, заработали трансмиссии. В котлах и перегонных кубах забурили кислоты.

Грузовые корабли под охраной часовых неуклюже приваливали к пристаням, выгружали ртуть и марганец.

Четыре специальных бронированных судна с вращающимися башнями, из которых торчали хобота орудий, принимали какой-то тяжелый груз в заплом-

бированных стальных ящиках и свозили их на континент. В густом оцеплении войск эти ящики принимались и взвешивались толпой чиновников и контролеров.

Работа завода охранялась в строгой тайне. Инспирированное правительством телеграфное агентство рассылало во все концы мира сообщения:

„Профессор Сидней Гревс открыл новый газ „лилит“. Этот газ обладает могучими разрушительными свойствами. Выпущенный из баллонов он уничтожает все живое на тысячи километров расстояния“.

Газеты бряцали оружием, крича о „лилите“. О нем говорили в кафе, на бульварах, в салонах, в кабаках. Ку-Клукс-Клан организовал шумную манифестацию. Манифестанты в белых балахонах, в остроконечных белых капюшонах, с прорезами для глаз, несли знамена и плакаты, которые кричали:

— Америка для американцев! „лилит“ — наша мощь!

— Мы победим весь мир „лилито“!

* * *

В течение двух месяцев из обращения С.-А.-С.-Ш. исчезли векселя. Во всех карманах звенело золото. Государственный банк прекратил эмиссию и выкупил все банкноты. Государство перешло на золотое обращение.

— Алло, мистер Гаррисон!

К телефонному аппарату подплыла туша. Глава американского кондерна прижал трубку к пушистому багровому уху:

— Алло, алло!

В мембране заскрежетал ржавый голос главного управляющего филиалами кондерна мистера Бернара Крафтона.

Он говорил о вкладчиках. Нет отбоя от вкладчиков. Все несут в банки золото. Кассы полны. Кладовые трещат от золота... Золотой потоп.

— Это же отлично, мистер Крафтон. Золото! Золото!

Глава финансового кондерна мысленно потирал руки.

— В портфелях наших банков нет больше ни векселей, ни займов. Все векселя оплачены до срока, — скрежетал главный управляющий мистер Крафтон.

— Это превосходно! Мы всасываем золото!

— Мы платим проценты по вкладам, но нам никто не платит. Активных операций нет. Кредитные операции умерли.

— Это же...

У главы кондерна вдруг выпятились глаза на лоб. Ах, старый идиот! Золото должно течь в кассы и течь из касс. Золотая кровь должна циркулировать. Оно приливает, но не отливает. Будет закупорка вен. Золотая пробка, черт подери!

— Алло, мистер Крафтон! Мы платим проценты?

— Увы, мы платим, — рыдал в трубку мистер Крафтон.

— И нам никто не платит?

— И нам никто не платит!

Гениальные идеи внезапны, как молния. Мистера Гаррисона озарила гениальная идея.

— Мистер Крафтон, алло! Берите блокнот. Пишите. Телефоните. Телеграфируйте по радио. Понизить процент по вкладам вдвое. Закрыть шлюзы. Остановить приток золота.

— А потом?

— А потом мы откроем шлюзы в Европу. Стабилизация марки, франка, кроны. Широкие займы. Льготные условия. Мы воьем золотую кровь в промышленность, в транспорт, в торговлю. Мы расшвыряем золото в Германии, в Австрии, в Италии. Мы введем золотое обращение у эскимосов, у негров, у готтентотов. Цивилизация, мистер Крафтон!

Голос главы конферн гремел вдохновением.

— Пишите, мистер Крафтон. Впрочем, это я сам запишу в своей памятной книжке. Экстренное признание государства Советов. В порядке чрезвычайной срочности.

— Но, мистер, это дело правительства и сената. Господин президент принципиально против...

Раскатистый хохот главы конферн прервал благоразумные рассуждения мистера Крафтона:

— Ха-ха-ха! Принципиально. Принципы куются на бирже, мой мистер. Сенат и президент — это мы, мой мистер.

— Х-хе-хе! — рассыпался мелким горохом мистер Крафтон.

* * *

В то самое время, когда происходил этот разговор, профессор Сидней Гревс внимательно изучал ящик своего письменного стола. На красном полированном дереве ящика были глубокие царапины. Кто трудился над ящиком?

— Если бы я обладал вашим секретом, я не открыл бы его ни одному правительству в мире. Я делал бы золото для себя.

— Это сказал Самюэль Грин, молодой помощник профессора.

— Жизнь коротка, а бедность унижительна. Почему миллиардер Морган пьет полную чашу, а я хватаю росинки? Чем я хуже миллиардера Моргана?

Это тоже изречение Самюэля Грина, изящного молодого человека, который далеко пойдет.

Профессор Сидней Гревс рассматривал царапины на ящике письменного стола и думал о наклонностях Самюэля Грина. Самюэль Грин не входил в его план. Он явился неожиданно, как деталь. Отчего бы не использовать эту деталь?

Деталь, поскрипывая лакированными ботинками, вошла в кабинет профессора.

У детали были плутоватые черные глаза и белые руки с тонкими пальцами, гибкими, как змейки. Такие подвижные пальцы бывают у карманных воров.

— Итак, если бы вы обладали моим секретом, Самюэль?

— Я устроил бы тайную фабрику золота, — с веселой откровенностью ответил Самюэль Грин.

— Вы знакомы с политической экономией, Самюэль?

Плутоватые глаза с изумлением смотрели на профессора, точно спрашивали: „На кой чорт мне политическая экономия?“

— Нет, я не знаю политической экономии.

— Очень жаль, Самюэль. Если бы вы ее знали, то поняли бы, к чему ведет перепроизводство золота.

В ящике письменного стола хранилась записная книжка. В ней был один листочек, испещренный формулами. Только листочек. Профессор отпер ящик, порылся в нем и нарочно забыв запереть его, вышел из кабинета, презрительно усмехаясь одними только глазами.

Как только шаги профессора заглохли, гибкие пальцы способного Самюэля Грина скользнули вглубь ящика. Он вытащил записную книжку, быстро перелистал ее и открыл страничку с формулами. Озираясь на дверь, он переписал в свой блокнот формулы и сунул книжечку обратно в ящик.

Это было сделано как раз во-время. Профессор быстрыми шагами возвращался в свой кабинет. Самюэль Грин отпрянул от стола.

— Итак, Самюэль, вы займетесь кустарным производством золота? — прощупывая его своими синими глазами, странным тоном произнес профессор.

— Если бы я знал ваш секрет! — вздохнул Самюэль Грин.

— Вы откровенны. Это хорошее качество, — усмехнулся профессор: — Ну, теперь займемся делом.

Он знал уже, что у Самюэля Грина будет кустарная фабрика золота, что Самюэль Грин уже украл его формулы, но как ни в чем не бывало профессор дал ему подробные инструкции на этот день, которые Грин выслушал с величайшим вниманием, записывая их в тот самый блокнот, куда он списал драгоценные формулы профессора Сидней Гревса.

— Вы сегодня собирались поехать в Нью-Йорк? — спросил профессор на прощанье.

— Да, я поеду вечером.

— И вернетесь, Самюэль? — в глазах профессора сверкнул брезгливо скорбный огонек.

— Что за вопрос, профессор! — с достоинством воскликнул Самюэль Грин: — я вернусь с утренним катером.

* * *

Огромный транс-атлантический пароход „Виктория“, пылая медной облицовкой труб, отчалил от

нью-йоркской пристани. На палубе, у борта стоял Самюэль Грин. Он переменял свое решение. В Америке ему нечего делать. Он держал курс на старую, нищую Европу.

Его голова горела от мыслей. Стоя на палубе, он шагал по воображаемой лестнице, по вздымающимся в высь ступеням. Клочек бумаги с формулами был его крылом, которое поднимет его на вершины. Он чувствовал этот клочек бумаги у своего сердца, в боковом кармане, в бумажнике. Он прижимал бумажник локтем к телу.

В Европу! В нищую Германию! К вершинам!

* * *

Представьте себе маленький стальной гвоздик с широкой золотой шляпкой. Вообразите, что этот гвоздик наделен жизнью, что он юрко вертится, подскакивает, бегаёт, хлопочет. Теперь позвольте вам представить: генеральный маклер нью-йоркской биржи мистер Эванс.

Биржа сошла с ума. На электрическом табуляторе, в графе „Предложение“ выстроились наименования акций всех трестов, синдикатов, кондернов. В графе „Спрос“ — только одна акция: „Объединенной кампании марганцевых и ртутных копеек“.

— Даю „Стандарт Ойл“.

— Беру „Марганец-ртуть“.

Курс акций „Марганец-Ртуть“ взлетел до невероятной высоты. Биржа берет только „Марганец-Ртуть“ и не хочет знать никаких других бумаг.

Гвоздик трясет своей золотой головкой.

— Мистеры! На „Марганец-Ртуть“ можно нажать миллиард.

Миллиард! Это слово, как ток, электризует биржу.
— Мистеры! В стране марганцевый и ртутный кризис.

— Потребление марганца и ртути переросло его наличие. Марганец и ртуть дороже золота.

— Мистеры, я предсказываю марганцево-ртутную войну.

Генеральный маклер нью-йоркской биржи подобен пифии. К его голосу прислушиваются мистеры в сюртуках и цилиндрах. Они покупают исключительно „Марганец-Ртуть“.

— Мистеры! Америка захлебнется в золоте. Нам нужна война.

Голос генерального маклера Эванса гремит под сводами биржи, выносится на широкие ступени подъезда, несется по улицам Нью-Йорка, звенит в трамваях, в вагонах метрополитана и воздушной дороги, отдается, как эхо, в банках, разносится с вышек радио.

* * *

— Алло, мистер Крафтон!

— Алло, мистер Гаррисон!

— Покупайте „Марганец-Ртуть“. Ни одного цента на другие бумаги. Бросьте всю золотую наличность филиалов на „Марганец-Ртуть“.

— Слушаю, мистер Гаррисон.

— Откройте шлюзы для притока золота. Повысьте процент по вкладам вдвое. Мы должны овладеть марганцево-ртутным трестом. Используем конъюнктуру.

— Конъюнктуру! — как эхо, подхватывает мистер Крафтон.

— Конъюнктура! — кричат утренние, дневные и вечерние выпуски газет.

Подавленный конъюнктурой, личный секретарь президента мистер Пири зашифровывает крайне секретную депешу на имя дипломатического представителя С.-А. С. Ш. в Китае:

„Воспользуйтесь осложнениями, вызванными национальным движением в Пекине. Держите курс на разрыв дипломатических сношений. Действуйте с решительной репрессивностью. Нужен убитый китайцами американец в районе марганцевых залежей“.

А в вечерней газете — крупным шрифтом:

МЫ НЕ ПОЗВОЛИМ!

„Мы не позволим большевикам сеять смуту в Китае и принижать авторитет Америки. Во имя цивилизации, во имя культуры мы должны вмешаться в анархию, разлившуюся по Китаю и угрожающую жизни, чести и благосостоянию американских граждан в Китае. Если китайское правительство, раздираемое распрями и разлагаемое ядом большевизма, не способно самостоятельно справиться с анархией, то флот и армия С.-А. С. Ш. являются достаточно грозной силой, чтобы отстоять наш авторитет и честь в этой стране, которая нуждается в покровительстве и опеке цивилизованной великой демократии С.-А. С. Ш.“

* * *

Человек, который требовал личной и секретной аудиенции с самим президентом германской республики, казался маниаком. Этот человек был Самюэль Грин.

Он твердил одно:

— Дело идет о чуде. Я берусь в несколько месяцев вывести Германию на путь ее бывшего могущества и блеска. Но я могу посвятить в свой секрет только президента.

Он был так настойчив, что решили доложить о нем президенту.

— Он не анархист?— опасно спросил президент.

— Он чужак или сумасшедший, ответил канцлер.

Седой старик-президент, с солдатским жестким лицом, отмахнулся:

— Гоните его в шею!

Канцлер смягчил резолюцию президента.

— Герр президент решительно отказал вам в личной аудиенции,— передал он Самюэлю Грину.

Самюэль Грин решил на последнее средство. Он запечатал в конверт записку, в которой было всего четыре слова:

— Я знаю секрет Гревса.

Когда президенту передали эту записку, и он прочел ее, он воскликнул:

— Лилит! Этот человек умеет делать лилит. Зовите его сюда.

— Вы умеете делать лилит?— встретил президент Самюэля Грина.

— Нет, я умею делать золото,— ответил тот:— никакого лилита не существует. Америка производит под видом лилита искусственное золото.

Президент протянул руку к звонку. Нет никакого сомнения, что это умалишенный. Но Самюэль Грин, заметив это движение, с живостью заговорил:

— Не торопитесь делать ложные заключения, герр президент. Вам ничего не стоит предоставить мне лабораторию для опыта.

— Хорошо,— согласился президент:— но если вы меня мистифицируете, мы посадим вас в сумасшедший дом.

— Принимаю,— весело ответил Самюэль Грин.

* * *

На опыте Самюэля Грина присутствовали президент и канцлер. Они видели своими собственными глазами, как ловкие пальцы Грина смешивали химические препараты, как он взбалтывал их в колбе с кислотами, как он отмеривал, взвешивал, дозировал какие-то жидкости и специи, как потом налил смесь в тигель.

На их глазах, над огнем вскипела в тигле густая, как прованское масло, темно красная жидкость, которая желтела и затягивалась буровой пленкой. Грин снял тигель с окна и поставил его в холодильник.

Через полчаса он вытряхнул из тигля еще теплый металлический кружок, весом около фунта, и передал его президенту со словами:

— Вот полноценное золото без всякой примеси, герр президент.

Да, пробирная палата при монетном дворе точно удостоверила, что этот металл — чистое золото. Жесткое лицо президента преобразилось. Его спина приобрела странную гибкость. Суровый волк замаха лисьим хвостом перед чародеем Самюэлем Грином.

— Мы заранее согласны на все ваши условия,— сказал он гибко, извиваясь в поклон перед Грином.

Грин почувствовал, что он стоит обеими ногами, обутый в лакированные ботинки, на самой вершине.

* * *

Радио-волны разносили по всем вышкам земного шара:

... Ликвидация репарационной комиссии.

... Непонятный источник внезапного обогащения Германии.

... Германия платит полностью и без рассрочек всю сумму контрибуции.

... Германия отказалась от плана Дауэса.

... Германия перешла на полноценную золотую валюту.

* * *

— Мистер Крафтон?

— Алло, мистер Гаррисон!

— Германия отклонила наше предложение о займе. Какал-то бестия забежала вперед и дала Германии колоссальные средства. Это, должно быть, сам сатана, потому что ни один концерн в мире не обладает такими средствами, мистер Крафтон.

— Ни один концерн, ни все концерны земного шара, взятые вместе, — подтвердил мистер Крафтон.

— Берите блокнот. Пишите.

— Готово.

— Закрыть все шлюзы. Понизить процент по вкладам до минимума. Нам некуда девать золото.

— Записано, мистер.

III.

Более или менее постоянный адрес Эдварда Хорна был: Нью-Йорк, государственная тюрьма.

В промежутках между арестами у Хорна не было квартиры. Для него не существовали расстояния — он кочевал по всей территории штатов, и там, где он

появлялся, вскипало движение. Иногда в рабочих кварталах узнавали о приезде Хорна по косвенным признакам.

— Смотрите, сыщики нюхают воздух: должно быть Хорн где-то неподалеку, — говорили рабочие, увидев шпигов на рабочей улице.

В последнее время Хорн не выезжал из Нью-Йорка. Он жил на одной из улиц Бруклина*), где люди живут в домах густо и тесно, как клопы в щелях старой деревянной кровати. Он ночевал попеременно то у одного, то у другого из своих бесчисленных приятелей-рабочих.

Мартин Флит-Рой, у которого Хорн провел две последние ночи, работал на фабрике консервного треста, считал себя анархистом. Впрочем, он сам хорошенько не знал, чего хотят анархисты, и высказывал свои теоретические познания в области анархизма следующим образом:

— По моему, миндальничать с капиталистами не стоит. Надо взять быка за рога и без околичностей повести его на бойню. Анархисты — они настоящие ребята. Они долго не разговаривают, а бьют бомбами и адскими машинами. Честное слово, я — анархист!

Флит-Рой, мужчина огромного роста, с густым голосом и жидкими желтыми усами на изрытом оспой лице, действовал и в своей личной жизни без околичностей. Когда заработную плату начали выдавать золотом, он решил жениться. В воскресенье утром он задумал это дело, к вечеру остановил свой выбор на Анне, работавшей на той же фабрике, в отделении наклейки этикеток на консервные ко-

*) Квартал Нью-Йорка, населенный беднотой.

робки, и, прифрантившись, отправился на танцульку. Он подошел к Анне и сказал:

— Я не умею выводить ногами кренделя, а хочу без фокусов поговорить с тобой.

Отведя ее в сторону, Мартин Флит-Рой проговорил быстро и решительно:

— Одним словом, я хочу на тебе жениться. В будущее воскресенье мы подпишем брачный контракт, потому что я, как ты знаешь, анархист и не признаю церковного брака.

Он не спросил у нее об ее согласии, а Анна забыла подумать — согласна ли она. Всю неделю Анна думала о Флит-Рое, но так и не решила до воскресенья, нужно ли ей идти замуж за этого огромного парня.

Когда Эдвард Хорн пришел ночевать к Мартину Флит-Рою, тот заявил ему:

— Одним словом, я сегодня женился, и ты будешь спать за перегородкой.

Он плутовски подмигнул Хорну глазом и расмеялся.

Однако Мартин Флит-Рой тотчас же забыл о своей новобрачной и весь вечер проспори́л с Хорном.

— Теперь твои дела плохи, дружище Эдвард. Рабочие получают заработок чистоганом. Безработных совсем нет. Никогда в Америке дела не были так хороши, как теперь. Хотя капиталисты большие бестии, но мало найдется теперь рабочих, которым нужно бастовать. Одним словом, Эдвард, переходи к анархистам и действуй бомбой.

В самом деле, в последнее время движение в стране совершенно замерло. Промышленность пульсировала с необычайной полнокровностью. Золотая кровь была ключом по всем ее венам и ответвлениям.

Буйным цветом расцвели гигантские картели и тресты. Газеты кричали о необходимости снять все запреты и стеснения для иммигрантов и облегчить иммиграцию в Америку. Лозунг Ку-Клукс-Клана „Америка для американцев“ не вызывал прежних восторгов у консерваторов. Трестам и картелям были нужны дешевые рабочие. Поэтому, республиканская партия, ратовавшая прежде против разжижения сто-процентной американской крови иностранцами и требовавшая рогаток против иммиграции, кричала на митингах, в листовках, в парламенте и сенате о терпимости ко всем нациям, в особенности к тем нациям, которые посылают в Америку покорных и дешевых рабочих.

Но во всем этом благополучии была трещинка. Эдвард Хорн хорошо ее видел и терпеливо ждал, пока она разрастется в пропасть, в которую рухнет капиталистическая система. Теперь он вполне ясно понял идею профессора Сидней Гревса и изумлялся его гениальной игре.

Сидней Гревс безостановочно накачивал золотую кровь в жилы капиталистического организма. Полнокровие грозило апоплексией. Страна шла быстрыми шагами к этой катастрофе. Золото переполнило все ее вены и капилляры и било изо всех ее пор. Золотые испарения отравляли и разлагали страну.

Никогда города не жили такой веселой, шумной, разгульной ночной жизнью, как в это время. Нью-Йорк лихорадил от зари до зари. Бары, кафе, шантаны, притоны, были переполнены. Везде звенело золото, лилось вино, пела музыка, звенели женские голоса. Сотни тысяч проституток из экзотических стран Южной Америки, из Европы, из Азии, слетались в Нью-Йорк, как золотые мухи на гниющий

труп. Дома свидания и врачи по веверическим болезням делали блестящие дела.

Хотя безработицы больше не было, и нужда и голод почти исчезли, но электрический стул работал непрерывно. Преступность выросла в несколько раз. Поезда отправлялись с военной охраной, но бывали случаи, когда сама охрана грабила пассажиров и почтовый вагон, перевозивший ценную почту. Недавно была арестована шайка, состоявшая из сыщиков и полисменов, которая специализировалась на ночных налетах на банки и взломах банковых касс и кладовых. Все члены шайки были посажены на электрический стул, но не было уверенности в том, что арестовавшие их сами не организуют новые бандитские шайки.

* * *

Мартин Флит-Рой был сыном фермера и пришел в Нью-Йорк деревенским парнем три года тому назад. Его отец и младший брат приезжали каждую осень сбывать пшеницу хлебной фирме „Бр. Андерс и Комп“ и покутить в кабачках в Бруклине. В эту осень, на другой день после свадьбы Мартина, старик приехал один. Огромный, плечистый, с красным обветренным лицом крестьянина, он ввалился в комнату, грохоча своим гулким басом, привыкшим к простору полей.

— Эй, Мартин! — загремел он еще у порога, внося с собою запах лошадей и крепкого пота: — ого-го, мой мальчик! Вот я и приехал и хочу здорово встряхнуться в „Алой Розе“, потому что в этом году у нас золота куры не клюют.

Он крепко потряс своей твердой, как копыто, рукой руку сына, Эдварда Хорна и Анны.

— Это что за девка? — спросил он об Анне.

— Я женился, отец. Это моя жена, — ответил Флит-Рой.

Старик взял Анну за подбородок, осмотрел ее и неодобрительно покачал головой:

— Худа. Чем она будет кормить детей, если у нее этого-того кот наплакал? Нет, Мартин, ты свалил дурака. Главная красота у бабы, когда у нее есть основательная пазуха.

С места в карьер старик принялся рассказывать о своих делах. Как и Мартин, он не любил околичностей.

— Я приехал в город с пустыми руками. Я ничего не продаю в эту осень и оставляю „Бр. Андерс и Комп.“ с носом. Эх, друзья! Поезжайте-ка лучше со мной на ферму, плюньте на Нью-Йорк. Даю вам слово, что в эту зиму Нью-Йорк подохнет с голода.

Прихлебывая горячий кофе, вытирая пот громадным носовым платком, величиной с детскую простыню, старик продолжал грохотать:

— Да, в эту осень „Бр. Андерс и Комп.“ останутся с носом. Зачем мне пролавать пшеницу? На кой дьявол мне ваше золото? Его развелось так много, что от него отмахиваются. Помнишь скотопромышленника Грюнвальда, Мартин? Такой маленький старичек, у которого, если помнишь, скверный запах изо рта. Так вот, этой весной я хотел купить у него пару быков. А он: „Ты как будешь платить?“ Я говорю: „Золотом“. А он: „Ну тебя с твоим золотом, сунь его себе в зад. Плати пшеницей“. И вот, Мартин, пришлось мне заплатить за быков дорогой пшеницей вместо дешевого золота. Невыгодная была покупка.

Эдвард Хорн слушал старика с величайшим вниманием. Трещина, которую он чувствовал, росла на

его глазах. Золото, этот божок, потеряло свое обаяние даже в глазах мужика.

— Ого-го, Мартин, я не дурак! — гремел старик: — стану я выменивать свой тяжелый труд на желтую звонкую ерунду, которую даже вонючий Грюнвальд, жадный к деньгам, отказывается брать. Спасибо еще, что на эти желтые кружочки можно в „Алой Розе“ накачаться. Пойдем же, друзья. Нечего терять дорогое время.

Старик поднялся и загремел, как лошадь, ногами. Ему было тесно в комнатухе сына. Он морщил нос и недовольно качал головою.

* * *

Мистер Гаррисон, глава финансового концерна, любил пить кофе со сливками в постели. Вымуштрованный старый лакей Джон явился на его звонок незамедлительно. С похоронным лицом он нес на подносе кофейник, чашку, сахарницу и больше ничего.

Мистер Гаррисон привстал с постели. Он недоумевал, потому что считал ниже своего достоинства сердиться.

— Сливки и печенья, — произнес он.

— Мистер Гаррисон, — начал слуга.

— Сливки и печенья! — повторил мистер Гаррисон: — если ты второй раз забудешь, я тебя выгоню.

— Ни сливок, ни печений нет, мистер, — решился заявить Джон.

Мистер Гаррисон совсем сел в изумлении:

— Ка-ак? За деньги нет сливок и нет печений? Этого быть не может.

— Ни за какие деньги, мистер. Народ бьет в булочных окна. В городе нет ни хлеба, ни мяса, ни

овощей. Деревенщина отказывается продавать на золото.

Это была первая длинная речь, которую Джон за свою двадцатилетнюю службу осмелился произнести в присутствии мистера Гаррисона. И, выслушав эту длинную речь, мистер Гаррисон в первый раз в жизни уронил свое достоинство при слуге. Он вскочил с кровати, затопал босыми ногами по паркету и заревел:

— Ты врешь, негодяй! Золото! За золото всегда все можно купить. Ты — большевик, мерзавец! Вон!

* * *

Да, разъяренные толпы женщин били окна в мясных, зеленых, гастрономических магазинах, молочных лавках и булочных. В Нью-Йорке были горы золота, но не было хлеба. Бронированные корабли непрерывно выгружали запломбированные стальные ящики с золотом. На островке, под сторожевой охраной броненосцев бил неиссякаемый золотой источник. Нью-Йорк задыхался в золотой петле, накидываемой и стягиваемой профессором Сидней Гревсом.

Утренние газеты вышли с тревожными сенсационными заголовками:

Продовольственный кризис.

Неслыханные события.

Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго без хлеба.

Беспорядки на улицах.

Курс золота летит вниз.

Да, да, золото стремительно падало. Генеральный маклер нью-йоркской биржи мистер Эванс стучал согнутым пальцем по своему лбу:

— Одно из двух: либо я спятил, либо весь мир сошел с ума. Золото падает в цене! всю жизнь я знал:

все цены равняются по золоту. Что же теперь будет с жизнью, если нет основы цен? Нет, мир спятил!

Все курсы на котировальной доске колебались, как тростник в бурю. Ни одна бумага, ни одна ценность не имели устойчивости ни на минуту. Точно рука безумца тасовала курсы, цены, весь вековой порядок котировки.

Генеральный маклер мистер Эванс схватился за голову и заплакал. Да, мистер Эванс заплакал. Все это видели, все слышали, как он стонал:

— Как же я буду жить, если золото перестало быть основой! О-о, как я буду жить!

* * *

Эдвард Хорн опять обрел свою стихию. Он неся на мотоцикле с фабрики на фабрику. Всюду, где вскипало движение, он ободрял, разжигал своими короткими острыми речами.

Рабочие всех предприятий бросили работу.

— Мы не хотим золота. Это обман. Долой золото! кричали заводы и фабрики.

Эдвард Хорн оформил эту первую искру мысли масс:

— Теперь вы видите, товарищи, что капиталисты платили за труд звонкими игрушками. Настоящая ценность—труд.

— Долой золото! Долой капиталистов!—ревели пробудившиеся фабрики и заводы.

В этот день, точно потеряв разум, конгресс и сенат вотировали войну с Китаем. Флот получил приказ выйти в море. Военное министерство объявило принудительную мобилизацию. Дневные выпуски газет призывали к оружию.

В настоящий момент американцы всех классов должны вспомнить, что они, прежде всего, американцы, что национальная честь, знамя и величие Америки подвергаются унижениям и оскорблениям в диком разгуле темных сил азиатского Китая. Отложим же наши домашние споры между американцами до лучшего времени. К оружию!

Так кричали газеты и листовки, которые, как хлопья снега, летели из агитационных автомобилей, мчавшихся по улицам, и с аэропланов, паривших над Нью-Йорком.

В полдень на огромном рабочем и матросском митинге, в пакгаузе гавани появился человек с волнистыми черными кудрями, с женственным лицом, с синими глазами. Он взобрался на тюк с хлопком и высоким, но сильным голосом произнес:

— Товарищи! Я—профессор Сидней Гревс.

Кругом поднялась буря негодующих криков:

— Долой! Смерть Гревсу! Он готовит ядовитые газы для войны. Долой!

Гревс стоял, сложив руки на груди, и ждал без всякого волнения, пока уляжется буря.

— Вы ошибаетесь, товарищи. На острове Литл фабрикуются не „литл“, а золото,—крикнул он, покрывая гул возмущенных голосов.

К нему потянулись сотни кулаков. Толпа взревела:

— К суду Линча! Это он готовил золотой обман!

Если бы не Эдвард Хорн, который появился в эту опасную минуту в пакгаузе, профессор Сидней Гревс подвергся бы линчеванию разъяренных рабочих и матросов. Эдвард Хорн закрыл своей грудью профессора Гревса.

— Не делайте глупости, товарищи, — прозвучал голос Хорна: — профессор Сидней Гревс — наш друг. Он делал золото, чтобы взорвать капиталистическую систему изнутри, ее собственным оружием.

Это было очень трудно объяснить рабочим и матросам. Но Эдвард Хорн нашел понятные и простые слова.

* * *

Седые, жесткие щеточки подстриженных усов. Личико обтянуто желтой, пергаментной кожей. Серые глаза холодны, жестки, безжалостны. Диктатор Мэддисон, генерал.

Карта Нью-Йорка разложена на одном столе. Карта Южных Штатов, где мужики отказались давать хлеб, разостлана на другом столе. Несколько штабных офицеров склонились над картами. Диктатор Мэддисон, генерал, ходит по комнате, отстукивая военный шаг — раз-два, раз-два. Он не глядит на карты. Он не смотрит на булавки с флажками, которые втыкают там и сям, по начерченным на карте Нью-Йорка кварталам, по начерченным на карте Южных Штатов горам, холмам и полям его штатные офицеры. Он играет в шахматы, как опытный игрок, у которого шахматная доска и положение фигур — в голове. Он предугадывает ходы своих противников и шевелит тонкими фиолетовыми губами под щеточками усов; он знает все наперед до последнего хода.

— Полковник Гордон! — резко скрипит голос диктатора.

— Полковник Гордон! — открыв дверь в приемную, повторяет адъютант.

Полковник Гордон, круглый, плотный, потный, вкатывается в кабинет диктатора. Он похож на лавочника, полковник Гордон, потому что у него — семья, дети, беременная жена, теща, котэдж за городом. Тьма расходов.

Диктатор глядит сквозь полковника Гордона, точно он стеклянный, точно его совсем нет.

— Полковнику Гордону с химической ротой атаковать Бруклин и окончить операцию к 12 часам 30 минутам.

— Слушаюсь!

— Ваши часы?

— Есть, генерал.

— Сверить с моими.

— Есть, генерал.

— Помнить: опоздание — полевой суд, расстрел.

Диктатор прикладывает два сухих пальца к воображаемому козырьку фуражки, которой нет на его голове. Полковник делает налево-кругом. И опять резкий скрип:

— Капитан Кэрн!

Капитан Кэрн пахнет ландышем. Он выутюжен портным, вылизан парикмахером, отлакирован маникюршей.

— Отряду летчиков с капитаном Кэрном направиться в центр движения. Ликвидировать к 12 часам 30 минутам. Ваши часы? Так. Ответственность за опоздание — расстрел.

— Есть!

И еще, и еще. Диктатор разбрасывает роты, батальоны, эскадрильи; телефонисты рассылают телефонограммы; радио и телефон разносят по городу, по штатам сухое, короткое:

— Ликвидировать. Опоздание — расстрел.

* * *

— Генерал! Вы пригласили нас — мы явились.

Черные сюртуки, брюки в полоску, крахмальные сорочки нафаршированы жирным телом. Жирное тело под сюртуками дрожит и струит пот.

— Ч-что?! — диктатор шурит жесткие, холодные глаза.

— Депутация заводчиков, — докладывает ад'ютант с блокнотом в руке.

— Ч-что?! Я вас пригласил? Я приказал вам явиться.

— Вы приказали, генерал, — дрожат сюртуки и крахмальные сорочки.

— Фабрикантам и заводчикам принять меры к ликвидации забастовки к 12 часам 30 минутам. Ваши часы, мистеры? Так. Сверьте с моими. За опоздание — расстрел.

— Но, генерал... Это не в наших силах.

— До свидания. В двенадцать тридцать.

Два сухих пальца тянутся к козырьку.

* * *

Ад'ютант с блокнотом вытянулся перед диктатором:

— Имею честь доложить, капитан Вестон..

— Зовите.

Капитан Вестон запыхан. С рассеченного лба капает на мундир кровь. У диктатора в руках часы.

— Ваша операция, капитан?

— Выполнена, генерал.

— Пленные?

— Расстреляны. Кроме женщин и детей.

— Кроме? — Щеточки - брови диктатора лезут вверх. — У меня в приказе не было „кромее“. Ч-что?!

— Но женщины, генерал?

— Ад'ютант, пишите. Приказ номер... За успешное выполнение операции повысить капитана Вестона в следующий чин. За неточное выполнение приказа номер... Передать полемому суду. Взять под арест. Уведите.

В кабинете генерала горят свечи. Электричества нет. За окнами густая ночь грохочет взрывами. Пишит сигнальный клапан полевого телефона. Телефонист бледен, синие губы дрожат. У наклонившего над ним ад'ютанта с блокнотом отвисла нижняя челюсть.

— Не может быть!

Телефонист сверяет контрольную ленту:

„Флот восстал. Адмирал Ньюс арестован мятежниками. Полковник Гордон с химической ротой окружен. Солдаты братаются с народом. Войска отходят к центру. Командующий флотом“.

Диктатор выслушивает донесение. Сухие пальцы рвут воротник.

— Пишите, — задыхаясь, гремит он: — пишите же. Расстрелять.

— Кого, генерал?

— Адмирала, полковника Гордона, вас, меня! Ч-что?!

Он согнулся, диктатор. Он совсем старик, сухонький, сломанный старичек в военной форме. Он уходит к себе в комнату мимо часовых у дверей. Он ложится

ничком на походную кровать. И лежит долго и сдерживает дыхание и слушает громовой кашель пушек за окнами.

Потом сразу срывается с кровати. Снимает сапоги и в одних носках на дыпочках крадется к двери, прикладывает пушистое ухо к скважине замка и слушает. Там, за дверьми один часовой шепчет другому:

— Бен, дело — табак.

Другой отвечает вполголоса:

— Ясно, как орех. Драться не стоило.

Диктатор, забыв, что он в носках, внезапно раскрывает двери и кричит:

— Дежурный офицер! Дежурный!

Тонкий, как спица, младший офицер, слушает, дрожа, приказ диктатора:

— Сменить часовых. Этих расстрелять без суда.

Слушает и глядит на красные носки диктатора, запотевшие у пальцев.

Диктатор запирает дверь на два поворота ключа. И опять ложится, и опять встает, и опять крадется к дверям и слушает. Но за дверьми тихо. Никто не шепчет. Только грохочет ночь.

Тогда он проверяет обойму у револьвера, кладет револьвер под подушку и закрывает синие веки. Он старается уснуть, задремывает, но ночь ревет и рокочет, и он снова встает с кровати и мечется, сухонький, сломанный старичек, к окнам и к двери и слушает. Потом садится за стол и сам, собственно ручно пишет механическим пером в полевой книжке пляшущими буквами воззвание к населению Нью-Йорка.

— Ад'ютанта!

Дежурный офицер, косясь на красные носки диктатора, поворачивается и вышагивает по военному — левой, правой.

— Торопитесь, чорт вас возьми. Теперь не к месту субординация.

Это крикнул диктатор, который день тому назад расстреливал за нарушение буквы устава.

— Ад'ютант! Как вы держитесь?

У ад'ютанта независимый вид. Щеки у него дрожат от сдерживаемого зевка. Глаза презирают диктатора.

— Что угодно, генерал?

— Руки! Руки! Как вы держите руки?

— Руки? — ад'ютант подносит свои руки к глазам.

Но диктатор уже забыл о дерзком виде ад'ютанта.

— Скорее, это надо оубликовать. От имени правительства С.-А. С. Ш.

И чтобы... Чтобы все узнали.

Ад'ютант пробегает глазами листок из полевой книжки диктатора, усеянный испуганными буквами:

„Граждане! Правительство С.-А.С.Ш декретировало принудительную реквизицию хлеба и мяса у фермеров. К спокойствию! Завтра будет хлеб и мясо!“

— Вы думаете, это поможет, генерал? — усмехается ад'ютант.

Диктатор выпрямился. Он опять — диктатор.

— Ч-что?! Рассуждать?! Руки! Так. Исполните — и под арест. На тридцать суток. Ч-что?

* * *

У казарм, у артиллерийских парков, у военных ангаров тревожно поют рожки горнистов. Военная власть зовет солдат на взбунтовавшиеся улицы, по которым льются и льются колонны рабочих и матросов, подняв алые крылья знамен к хмурому нью-йоркскому небу, стиснутому небоскребами. Но солдаты вышли из повиновения. Они были голодны.

— Что ж, вы накормите нас вашим золотом? — отвечают они командирам: — голодные не станут стрелять в голодных.

Это было так просто и ясно: нельзя усмирять людей, которые требуют хлеба вместо золота. Это было до того ясно, что к вечеру пехотинцы, саперы, артиллеристы, летчики вышли сами на улицы и присоединились к негодующим рабочим. Они шли, мерно стуча по асфальту мостовых подкованными бутсами, бренча винтовками, в полном походном снаряжении, и распевали песни, которых никогда не слыхала казарма. Они слушали короткие пламенные речи Эдварда Хорна и загорались сами, как он.

Ночью над крышами небоскребов вдруг забегали белые мечи прожекторов. Они отбрасывали на крыши и стены краткое правительственное воззвание:

„Граждане! Правительство С.-А. С. Ш. декретировало принудительную реквизицию хлеба и мяса у фермеров. К спокойствию! Завтра будет хлеб и мясо“.

* * *

Вышки радио били тревогу:

... Фермеры бьют правительственные реквизиционные отряды...

... В южных штатах поднялось крестьянское восстание.

... Войска, посланные на реквизиции, присоединяются к крестьянам.

* * *

Океана не было. Был туман. И из тумана на борт dreadnута „Авраам Линкольн“ поднялась на таях шлюпка. Четыре фигуры. И одна — высокая: Эдвард

Хорн. Революционер Эдвард Хорн на адмиральском корабле.

Команда собралась на шканцах. Она ждала Хорна. И как только он вступил на корабль, матросы окружили его:

— Надо убить старую собаку в его каюте.

— Тише, товарищи! — Это сказал Эдвард Хорн: — мы его арестуем; его будет судить народ — рабочие, матросы, солдаты.

— Судить?

Раздумье. И словно вздох:

— Хорошо.

Четыре человека спустились по ковровой дорожке в каюту адмирала Ньюса. Белая взбитая пена белья на койке. И под простынями — старик с большим животом.

— Адмирал Ньюс!

Голый череп в серебряном веночке серых волос шевельнулся. Раскрылся рот с голыми деснами. Зубы адмирала Ньюса стояли в стакане с водою на ночном столике.

— Адмирал! — Эдвард Хорн встряхнул его за плечо и отвернулся, сделав гримасу: — От него несет, как из винной бочки. Он пьян. — И Эдвард Хорн затряс адмирала энергичнее. — Проснитесь же, чорт вас возьми!

Адмирал открыл глаза. Он посмотрел на Хорна, на его револьвер, перевел взгляд на других трех человек с револьверами и сполз с койки на пол, голоногий, без кальсон, в шелковой короткой сорочке.

— Что это? Кто вы? Как вы смее? Я... Я...

Волосатые ноги гнулись под толстым животом:

— Я командующий флотом, адмирал Ньюс. Как вы осмелились?

— Вы арестованы.
— Кем?
— Революционным правительством С.-А. С. Ш.
— А команда? А флот?
— Команда на всех кораблях с нами. Одевайтесь, адмирал.
— А они меня не... Не убьют, мистеры революционеры? Вы гарантируете? Куда вы меня хотите вести?
— Гарантируем. Мы вас посадим в крепкую тюрьму.

Адмирал одевался. Сначала он стал натягивать свои кальсоны на руки, но, успокоившись, сообразил и натянул их на ноги. Его торопили. Он забыл свою челюсть в стакане и вышел, беззубый, с плохо застегнутыми штанами, на палубу.

— Старый цепной пес! — так встретили его матросы.

— Вы обещали... Вы дали гарантию, — тряся животом, сказал Эдварду Хорну адмирал.

Десять матросов с винтовками окружили адмирала кольцом и повели его к шлюпке. Ее спустили на талиях. Шлепая веслами, она ушла в туман к грохочущему берегу.

Тогда „Авраам Линкольн“ сигнализировал ракетой. Десятки ответных ракет взвились с других кораблей.

* * *

Диктатор спал ровно полчаса. Он проснулся от тишины. В окно смотрело голубое утро и молчало. Не болтали пушки за окном.

Он подошел к двери и посмотрел в скважину замка. Там не было ни часовых, ни дежурного офицера. И, распахнув дверь, диктатор крикнул:

— Адъютант!

Из глубины коридора шел на его зов штатский человек в кепке. Этот человек нес в руках что-то сложенное в узелок. И когда он подошел ближе, диктатор узнал его: это был адъютант.

— Одевайтесь мистер, — так сказал адъютант.

— Что? Кто это мистер? — сдвинул свои щеточки брови диктатор.

— Одевайтесь, если не хотите попасть на мушку революционерам.

Адъютант протянул диктатору узелок. В узелке был штатский костюм: рабочая блуза, штаны, кепка.

— А-а, — протянул диктатор и начал натягивать штаны из чертовой кожи на свои генеральские ноги.

Он был совсем одет, когда увидел на груди у адъютанта кровавый лоскут красной ленты.

— Дайте мне кусочек этой... этого... — попросил он.

Адъютант отодрал полоску ленты. Диктатор приколол ее к своей груди и сморщился. Из его глаз, вчера жестких и холодных, закапали слезы.

Они вышли вместе с черного хода. Они шли по колодцу двора, стиснутого десятиэтажными домами, протискиваясь к стенам, и вышли через калитку черного двора на улицу.

Адъютант сказал:

— Прощайте, генерал. Я пойду налево.

— Я пойду с вами, — сказал генерал.

— Ну, нет. Вас знает по портретам каждая собака в Нью-Йорке и во всех штатах. А я — маленький человек. Я не хочу пропадать. Прощайте.

Адъютант быстро пошел по пустой улице и скрылся за углом. Генерал постоял у калитки и повернул направо. Он шел мелким старческим шагом, забыв генеральскую осанку и солдатскую выправку; и когда

из-за угла показалась процессия с красными знаменами, он снял кепку, помахал ею в воздухе и закричал, как вся толпа:

— Гип! Гип! Ура! Да здравствуют Советы!

Толпа всосала вчерашнего диктатора и понесла его с собою.

— Гип! Гип! Ура! — кричал диктатор, роняя из жестких глаз слезы.

* * *

У входа в нью-йоркскую гавань стоит гигантская статуя Свободы в виде женщины с факелом в руках.

В тот самый день, когда Белый Дом был занят революционными войсками, в руках статуи Свободы запылало алое полотнище...

■ ■ ■

БИБЛИОТЕЧКА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЕ ВЫПУСКИ КНИЖЕК
ИЗВЕСТНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ю. Слезкин. — Веселый самоубийца.

Ф. Раскольников. — Из моих воспоминаний.

М. Григорьев. — Черные блузы.

У. Синклер. — Приключения маленького социалиста.

Д. Фурманов. — Последние дни. Предисл. Г. Лелевича.

Я. Окунев. — Петля.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

А. Костерин. — Осколки дней.

А. Иркут. — Такси А-517.

Обложки книжек работы художников Ю. Ганфа,
Г. Клинка, И. Янга, В. Меллера и друг.

Цена каждой книжки — 20 коп.

Продажа во всех киосках.

Подписка принимается в Главной Конторе газеты
„Рабочая Москва“ — Тверская, 15.